



Никколо Макиавелли
Самые остроумные цитаты
Серия «Самые остроумные афоризмы и цитаты (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8380222
Самые остроумные цитаты / Николо Макиавелли: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086811-7

Аннотация

Никколо Макиавелли (1469–1527) – итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик и легендарный авантюрист. «Я хочу попасть в ад, а не в рай. Там я смогу наслаждаться обществом пап, королей и герцогов, тогда как рай населен одними нищими, монахами и апостолами»– кто еще мог сказать такое, кроме великого Макиавелли, автора бессмертной книги «Государь» («Il Principe») и самой «неполиткорректной» формулы власти: «Цель оправдывает средства»!

Николо Макиавелли

Самые остроумные цитаты



Я нахожу, что осуждать столкновения между аристократией и народом значит порицать первые причины свободы Рима; это значит обращать больше внимания на ропот и крики, возбуждаемые этими столкновениями, чем на полезные их последствия. Рассуждающие таким образом не видят, что в каждой республике всегда бывают два противоположных направления: одно – народное, другое – высших классов; из этого разделения вытекают все законы, издаваемые в интересах свободы.



Перевороты чаще вызываются людьми состоятельными, потому что страх потери порождает в них те же страсти, которыми одержимы стремящиеся к приобретению.



Людей обвиняют в судах, перед народом, перед советом; клеветают же на них на улицах и площадях.



Бесчисленные примеры из древней истории доказывают, как трудно народу, привыкшему жить под монархической властью, сохранять потом свободу, если он приобрел ее по какому-нибудь случаю, как приобрел ее Рим по изгнании Тарквиниев. Трудность эта понятна; потому что такой народ не что иное, как грубое животное, которое, хотя свирепо и дико, но вскормлено в тюрьме и в рабстве. Если его вдруг выпускают на свободу в поле, то оно, не умея найти ни пастбища, ни пристанища, становится добычей первого, кто захочет вновь им овладеть.



Развращение и малая способность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства, а для восстановления равенства необходимы самые крайние меры.



Пока Римом правили цари, ему постоянно грозила опасность упадка при правителе слабом и порочном.



В Риме ежегодно совершалась одна религиозная церемония, которую мог совершать только сам царь; когда царей не стало, римляне заботились, чтобы народ не пожалел из-за этого о каком-нибудь из древних обычаев; поэтому они учредили должность председателя этой церемонии, назвав его царь-жрец и подчинив его верховному первосвященнику.



Римская аристократия всегда без особенного сопротивления уступала народу почести; но когда дело коснулось имуществ, она стала защищать их так упорно что народу для удовлетворения своего желания пришлось прибегать к чрезвычайным мерам.



Хотя знатные любят властвовать, но та часть знати, которая не участвует в тирании, всегда враждебна тирану, и он никогда не может вполне расположить ее к себе.



Люди, говорил король Фердинанд, похожи на мелких хищных птиц, которые так увлекаются преследованием добычи, что не замечают, как на них готовится кинуться и убить их другая, более сильная, птица.



Чтобы объяснить, кого я разумею под именем дворян, замечу, что дворянами называются люди, праздно живущие обильными доходами со своих владений, не имея нужды заниматься земледелием или вообще трудиться, чтобы жить. Люди эти вредны во всякой республике и во всякой стране; из них особенно вредны те, которые имеют сверх того замки

и покорных подданных. Королевство неаполитанское, Римская область, Романья и Ломбардия полны подобными людьми. В таких странах не может быть ни республики, ни вообще какой бы то ни было политической жизни, потому что эта порода людей – заклятый враг всякой гражданственности.



Там, где общество настолько развращено, что его нельзя обуздать законами, нужна более действительная сила, т. е. рука короля.



Тот, кто хочет основать республику в стране, где много дворян, не сможет этого сделать, если сначала не истребит их всех; с другой стороны, тот, кто хочет основать королевство или княжество там, где господствует равенство, не сможет этого сделать, если не нарушит равенства, возвысив значительное число людей честолюбивых и беспокойных, сделав их дворянами, и притом не номинально, а действительно, дав им замки и владения, привилегии, богатство и подданных, так, чтобы, стоя посреди них, он при их помощи сохранял свою власть, а они при его помощи удовлетворяли бы свое честолюбие.



Народ в совокупности силен, а в отдельности – слаб.



При выборе чиновников народ действует гораздо удачнее государя.



Государь, имеющий возможность делать все, что ему вздумается, превращается в бешеного самодура, а народ, могущий делать, что хочет, только неразумен. Поэтому, если сравнить государя и народ, связанных законами, видишь, что народ лучше; точно так же и не связанный законами народ реже впадает в ошибки, чем государь; сами ошибки его меньше, и средств к их исправлению больше. Это потому, что распущенный и бунтующий народ легко может поддаться уговорам хорошего человека и возвратиться на правильный путь, а с государем дурным никто не может говорить, и против него нет никакого средства, кроме железа.



Когда народ предается своеволию, то боятся не тех безумств, которые он творит, и страшатся не того зла, которое он может наделать в настоящую минуту, а того зла, которое может возникнуть впоследствии оттого, что во время таких смут может появиться тиран. Иное дело с дурным правителем; тут все боятся зла в настоящем, а на будущее время надеются, что его дурная жизнь приведет к восстановлению свободы.



Наша религия больше показывает нам истину и правильный путь жизни, чем заставляет меньше ценить мирские выгоды, а так как язычники их очень ценили и видели в них свое высшее благо, они в своих поступках были более жестоки, чем мы. Это можно видеть по многим обычаям древних, начиная с великолепия их жертвоприношений и скромности наших, в которых обряды отличаются больше чувством, чем великолепием, и не имеют в себе ничего жестокого и возбуждающего храбрость.



Древняя религия боготворила только людей, покрытых мирской славой, как например, полководцев и правителей государств. Наша религия признает святыми большею частью людей смиренных, более созерцательных, чем деятельных. Наша религия полагает высшее благо в смирении, в презрении к мирскому, в отречении от жизни, тогда как языческая религия полагала его в величии души, в силе тела и во всем, что делает человека могущественным.



Наша религия, если и желает нам силы, то больше не на подвиги, а на терпение. Этот новый образ жизни, как кажется, обессилил мир и предал его в жертву мерзавцам. Когда люди, чтобы попасть в рай, предпочитают скорее переносить побои, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще.



Надо притвориться дураком, как Брут. Притворство это именно в том и состоит, чтобы хвалить, утверждать, рассуждать, поступать против того, что думаешь, с целью подольститься к государю.



Республика имеет больше жизненных элементов и пользуется дольше счастьем, чем монархия, так как она, имея граждан различного характера, может лучше приспособляться к различным обстоятельствам времени, чем государь.



Опыт показывает, что государства приобретают могущество и богатство только в свободном состоянии.



Республика должна избегать таких обстоятельств, против которых нужно пускать в ход чрезвычайные меры... пример их всегда действует вредно; когда позволяют себе нарушать законы в видах пользы, потом не мудро уже, что найдутся такие, которые нарушат их со злым умыслом.



Всякая абсолютная власть в кратчайший срок развращает общество, приобретая себе друзей и приверженцев.



Малочисленное правление всегда бывает орудием влиятельного меньшинства.



Государственный порядок хорош тогда, когда он предоставлен попечению большинства и когда охрана его в руках большинства.



Все человеческие дела находятся всегда в движении, не могут стоять крепко, поднимаются или падают.



Я убежден, что полное равновесие невозможно, что нельзя сохранить настоящего среднего пути; вследствие этого при учреждении республики надо выбирать то, что более достойно славы, и устроить так, чтобы в случае, если необходимость вынудит ее к расширению, она могла бы удержать за собою занятые территории. Я убежден, что необходимо подражать римскому строю, а не строю других республик, так как я не считаю возможным найти какой-нибудь средний порядок между тем и другим. Должно, следовательно, терпеть столкновения, возникающие между народом и сенатом, предпочитая ценой неизбежного неудобства достичь римского величия.



Диктатура – власть, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова.



Необходимо, если хочешь сохранить восстановленную свободу, истребить сыновей Брута. Кто создает республику и не убивает сыновей Брута, продержится недолго.



Надо принять за общее правило, что никогда или почти никогда ни одна республика, или королевство, не была хорошо устроена с самого начала или, уклонившись от древних порядков, не была заново целиком преобразована, если она не была устроена одним лицом; необходимо, чтобы один человек устанавливал порядок управления, и чтобы все государственное устройство зависело от разума этого человека.



Разумный устроитель новой республики хочет служить не себе, а общему благу, не своим наследникам, а общему отечеству.



Нововводитель встречает врагов во всех тех, кому жилось хорошо при прежних порядках, и приобретает только очень робких сторонников в тех, чье положение должно при этих нововведениях улучшиться.



Все вооруженные пророки побеждали, а невооруженные гибли.



Главными основами всех государств служат хорошие законы и хорошо организованные войска. Без хорошо организованного войска в государствах не могут поддерживаться хорошие законы; где хорошо организовано войско, там обыкновенно бывают и хорошие законы.



Никогда не бывало, чтобы новый правитель разоружил своих подданных; наоборот, когда он находил их невооруженными, он всегда их вооружал.



Если новый правитель это человек, не обладающий особенно крупным умом и доблестью, он не умеет управлять, потому что всегда жил частной жизнью.



Для государя необходимо, чтобы народ был ему другом, иначе в несчастье он не найдет спасенья.



Я твердо уверен, что лучше быть отважным, чем осмотрительным, потому что судьба – женщина, и необходимо, если хочешь держать ее в подчинении, бить ее и толкать вперед; она скорее даст себя победить людям, которые именно так с ней обращаются, чем таким, которые подходят к ней холодно. И потому она всегда, как женщина, – друг юношей, которые осмотрительны, более горячи и повелевают ею с большей отвагой.



Слабые государства всегда действуют нерешительно, а нерешительность всегда вредна.



Большинство людей больше боится внешности, чем сущности.



Государь должен строго обдумывать свои слова и действия, не быть подозрительным без причины и действовать благоразумно и гуманно.



Новому правителю невозможно избежать имени жестокого, потому что новые государства полны опасностей.



Хорошо направленными жестокостями (если, говоря про дурное, можно употребить слово «хорошо») я назову такие, к каким прибегают в случае необходимости для укрепления своей власти; однажды укрепив последнюю, правители на них не настаивают, но заменяют их мерами возможно более полезными для подданных.



Правитель, и больше всего правитель новый, не может соблюдать всего того, за что людей считают хорошими, так как он часто вынужден – для того, чтобы удержать власть, – действовать против своих обещаний, против милосердия, против гуманности, против религии. Для этого нужно, чтобы он имел характер, способный меняться, смотря по тому, как указывают ему ветер и судьба. Он не должен уклоняться от добра, пока может, но уметь делать зло, когда он к этому вынужден.



Люди обыкновенно скорее забывают смерть отца, чем потерю наследства.



Государь должен быть человеком с сильным духом, не падающим в несчастьях, способным своей энергией и бодростью поддержать дух народа.



Масса неспособна учредить государственного порядка потому, что по различию мнений, никак не может понять его хорошие стороны, но, раз испытав хороший порядок на опыте, она не согласится с ним расстаться.



Масса разумнее и постояннее, чем государь.



Правителей государств было довольно много, а добрых и умных было между ними мало.



Если общее мнение неблагоприятно народу, то это происходит потому, что о нем каждый может злословить беспрепятственно и без страха, даже когда он властвует, о единоличных же правителях приходится говорить с тысячами опасений и тысячами оглядок.



Церковные государства опираются на освященные религией устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти независимо от того, как те живут и поступают. Только там государи имеют власть, но ее не отстаивают, имеют подданных, но ими не управляют; и однако же на власть их никто не покушается, а подданные их не тяготятся своим положением и не хотят, да и не могут от них отпасть. Так что лишь эти государи неизменно пребывают в благополучии и счастье.



Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать. Но хотя бы и так, – разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, то есть возвести заграждения и плотины так, чтобы, выйдя из берегов, река либо устремилась в каналы, либо остановила свой безудержный и опасный бег? То же и судьба: она являет свое всеисилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений.



Я думаю, что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени.



Пока для того, кто действует с осторожностью и терпением, время и обстоятельства складываются благоприятно, он процветает, но стоит времени и обстоятельствам перемениться, как процветанию его приходит конец, ибо он не переменяет своего образа действий... осторожный государь, когда настает время применить натиск, не умеет этого сделать и оттого гибнет, а если бы его характер менялся в лад с временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно.

